

Седьмая глава. Зуб мудрости

Когда Таньюань отошла от наркоза после стерилизации, действие лекарств еще не полностью закончилось, и её язык так и торчал из уголка рта, выглядя весьма комично.

Се Чжитан не удержалась и сделала несколько снимков:

— Сестричка, она такая милая.

Синь Сэлин стояла рядом, наблюдая, как та щелкает затвором, а затем взглянула на Таньюань, лишившуюся своего кошачьего достоинства, и уголки ее губ невольно дрогнули в улыбке.

— После стерилизации Таньюань больше не будет метить где попало и страдать от весенней лихорадки.

— Когда Таньюань сможет полностью восстановиться?

— Примерно через десять дней. Врач сказал, что всё это время ей придется носить защитный воротник, иначе она начнет вылизывать рану.

Подождав, пока Се Чжитан вдоволь нафотографируется, Синь Сэлин аккуратно посадила неспособную толком передвигаться Таньюань в переноску, застегнула молнию и взяла её с собой.

Се Чжитан придержала для нее стеклянную дверь зооклиники, и они уже собирались спуститься по ступенькам, как мимо них промелькнули двое сотрудников в форме клиники.

— Наконец-то пристроили тех двух котят. Похоже, новые хозяева неплохие, они и раньше у нас отоваривались.

— Раз кто-то готов взять, давай не будем забивать себе голову.

— Разве я тебе не говорил, мне нужно вести Колу на прививку.

Она выгуливала свою кошку, прививки которой были сделаны давным-давно, и ушла из ветклиники гораздо раньше них.

Внезапно рядом раздался автомобильный сигнал, заставивший девушек испуганно вздрогнуть. Обернувшись, они увидели, что стоявшая рядом с ними белая иномарка всё еще не двигалась с места, и водитель машины позади нетерпеливо подгоняет её гудком.

После того как прозвучал гудок, белый автомобиль тронулся с места и поехал вперед. Две подруги не придали этому особого значения, забрали у продавца упакованный в пластик жареный тофу на тепане и повернулись, чтобы уйти.

Девушка перешла дорогу со своей подругой и направилась к закусочной у обочины, чтобы купить жареный тофу.

— Почему ты сегодня освободилась так рано?

— Говоришь, я сегодня встретила одну невероятно красивую сестричку.

Подруга прищурилась, на ее лице застыло выражение «я так и знала»:

— И насколько же она красивая?

Девушка лукаво улыбнулась:

— Потом покажу.

Подруга подмигнула:

— Всё уже спланировано, что я еще могу сказать?

Девушка легонько толкнула подругу локтем:

— Тьфу на тебя, в следующий раз не стану угощать тебя тофу на тепане.

Подруга поддразнила ее:

— Так не пойдет, потом поможешь мне выпросить ее WeChat, так что по-честному, жареный тофу я ем не даром.

Девушка бросила на нее взгляд, слегка смутившись:

— Ничего подобного, просто она работает в том зоосалоне. Скоро я пойду туда купить кошачьих консервов, можешь воспользоваться случаем и взглянуть сама.

Две девушки расплатились и остались ждать у прилавка с закусками.

Как раз когда они разговаривали, мимо проходила та самая девушка, что привозила торт.

Подруга девушки удивилась:

— Да ладно, прямо вот так сразу встретились?

Только Синь Сэлин ушла, как те две девушки появились на пороге. Не заметив Синь Сэлин, они о чем-то пошептались, купили банку консервов и разочарованно удалились.

Синь Сэлин мыла кошку, и едва закончив, поместила её в сушильную камеру, как зазвонил телефон — это была Се Чжитан.

Синь Сэлин подняла глаза на улицу за стеклом:

— Ты где?

— Сестричка, я подвернула ногу.

— Что случилось? — Синь Сэлин взглянула на часы, до конца смены оставалось совсем немного, и она повернулась к хозяйшке салона:

— Хозяин, моя смена почти закончилась, эту кошку скоро должны забрать, у меня срочное дело, я пойду.

— Хорошо!

Синь Сэлин направилась к большому баньяну, следуя своим воспоминаниям. Се Чжитан сидела на кирпичной клумбе у подножия дерева, слегка согнувшись и потирая лодыжку.

Не успев договорить, она заметила, как знакомый силуэт промелькнул перед капотом ее машины.

Кто бы мог подумать, что она снова увидит её здесь.

Вечером на улице Линьчжан было необычайно людно. Здесь толпились люди и сновал транспорт: легковушки, автобусы и электроскутеры смешались в сплошной поток, и машина Се Чжитан ползла со скоростью улитки.

Пешеходы двигались едва ли не быстрее машин.

Заметив ее приближение, Се Чжитан виновато пояснила:

— Мне показалось, что здесь у обочины сидит кошка, я хотела подойти посмотреть, а в итоге кошку не разглядела, зато подвернула ногу и снова доставила вам хлопоты.

— Как ты умудрилась подвернуть ногу? — Синь Сэлин присела перед ней на корточки и протянула руку к ее щиколотке, пытаясь помассировать.

— Вот под тем большим баньяном.

Синь Сэлин слегка надавила, размирая ногу, и спросила:

— Почему ты вдруг решила посмотреть кошек? На улице ведь одни бродяжки.

Се Чжитан:

— Я хочу завести кошку.

Синь Сэлин удивленно подняла голову:

— Ты хочешь завести?

Се Чжитан нежно встретила с ней взглядом:

— Да, появилась такая мысль. Не знаю только, с какой из кошек у меня будет связь.

Синь Сэлин:

— У тебя есть какие-то предпочтения по породистым кошкам?

Се Чжитан:

— Напротив, нет.

Синь Сэлин:

— Я думала, ты предпочитаешь породистых.

Се Чжитан:

— Ничуть, я полагаюсь на судьбу.

Синь Сэлин смотрела на изящную белоснежную ногу в своей руке, кожа которой сияла белизной и слегка отличалась по оттенку от ее собственной ладони. Будь то в заключении или на работе в зоосалоне, ей приходилось тяжело трудиться, поэтому ее ладони были грубее, чем у сверстниц.

Помассировав ногу еще немного, она спросила:

— Всё еще болит?

Се Чжитан притворилась, что прислушивается к ощущениям, нахмурилась и указала пальцем чуть выше лодыжки:

— Вот здесь еще немного болит.

— Хорошо, — Синь Сэлин принялась массировать указанную точку. — Если боль не утихнет, придется показаться врачу.

Се Чжитан:

— Не нужно, просто подвернула, да и сестра уже наполовину исцелила меня своими руками.

Синь Сэлин:

— Будем надеяться.

Спустя мгновение Се Чжитан сама убрала руку:

— Уже почти не болит, попробую встать.

Синь Сэлин выпрямилась и посмотрела, как та поднимается на высоких каблуках:

— Ну как?

Се Чжитан улыбнулась:

— Не болит. Мне пора возвращаться, спасибо тебе сегодня, сестричка.

— Не за стоит, будь аккуратна на дороге.

Синь Сэлин проводила ее взглядом, пока машина не скрылась из виду, и повернула домой.

Стоило Синь Сэлин уйти, как из-за ствола большого баньяна показалась пара детишек, уплетавших шашлычки.

— Разве взрослые не говорили, что врать — это плохо? Почему та красивая сестричка соврала? Она ведь вовсе не подворачивала ногу.

— Хм, подумать только, взрослые тоже любят врать. Но она правда очень красивая, даже красивее нашей учительницы по литературе.

— Ага! Кажется, ничего страшного в том, что красивая сестричка соврала, нет.

Вернувшись домой и едва бросив ключи на тумбу, Се Чжитан приняла звонок от младшего брата Се Чжэньсюя.

— Алло?

— Отец сегодня снова потерял сознание, его опять увезли в больницу, — раздался в трубке голос Се Чжэньсюя. — Когда ты уже приедешь навестить отца?

В молодости отец Се Чжитан страдал пристрастием к курению и отличался переменчивым нравом, а с возрастом заработал сердечно-сосудистые заболевания, и за этот год уже три-четыре раза попадал в больницу.

Се Чжитан опустила сумочку, и в ее голосе прозвучало почти ледяное равнодушие:

— Я занята на работе, времени нет.

Се Чжэньсюй:

— Ну а расходы на лечение в этот раз...

Се Чжитан:

— Сколько?

Се Чжэньсюй:

— Пятнадцать тысяч...

Се Чжитан опустила взгляд и перевела пять тысяч.

Получив перевод, Се Чжэньсуй не удержался и перезвонил снова:

— Разве пяти тысяч хватит, Се Чжитан!

Се Чжитан:

— Разве у меня нет вас с третьим братом?

Се Чжэньсуй стиснул зубы на том конце провода:

— Третий брат недавно купил машину, с деньгами туго, он не может выложить столько.

Се Чжитан:

— А ты на что?

Се Чжэньсуй:

— Мать велела мне копить на выкуп за невесту, я действительно не могу достать ни гроша.

Мать велела копить на выкуп за невесту...

Иначе говоря... эта женщина после долгих раздумий все равно решила заставить его позвонить дочери и выпросить денег.

Любовь некоторых людей достается ей по капле, едва ли составляя и треть от того, что получает младший брат, так что и любовь, которую она возвращает в ответ, может равняться лишь этой трети.

Се Чжитан:

— Тогда это меня не касается.

— Се Чжитан, ты наша старшая сестра, как ты можешь быть такой бессердечной?

— Если пять тысяч кажутся слишком большой суммой, можешь вернуть их обратно, я эти деньги зарабатываю тяжелым трудом.

Не обращая внимания на ярость на том конце провода, Се Чжитан с холодным выражением лица сбросила вызов.

На первом курсе института у нее заболел зуб мудрости. Тогда она была еще юна, из-за строгого контроля в старшей школе она толком даже не держала в руках электронные устройства. Поступив в университет, она во всем барахталась вслепую, не зная, как поступить. Боль не давала ей спать две ночи подряд, и она позвонила родителям.

Родители ответили, что это, должно быть, жар из-за простуды, и посоветовали выпить гранулы

от жара, чтобы рассеять внутренний огонь и вывести токсины.

Она так и сделала, но боль не утихала. Позже, по подсказке однокурсницы, она догадалась, что дело в зубе мудрости, и обратилась к школьному врачу, но тот выписал лишь обезболивающее и отправил удалять зуб в больницу высшей категории.

Она думала, что родители одобряют удаление, однако те оборвали ее на полуслове: «Какое еще удаление? Это же просто зуб мудрости, не кариес же, незачем его вырывать», напрочь отбив у нее желание ехать в крупную больницу.

Боль в зубе мудрости утихла через два дня, и она наивно поверила, что его действительно не нужно удалять.

Пока полмесяца спустя среди ночи ее не разбудила острая боль. В голове стоял непрерывный гул, и существование казалось хуже смерти.

Этот зуб мудрости снова заболел.

В слезах она позвонила родителям, но в ответ слышала лишь совет принять болеутоляющее и потерпеть, мол, само пройдет.

Так она во второй раз стерпела мучительную боль от зуба мудрости.

Она и не подозревала, что ее способность переносить боль может быть настолько высокой.

На третий день после того, как боль утихла, она устроилась репетитором и, накопив денег за месяц с лишним, наконец отправилась в больницу, чтобы вырвать проклятый зуб, доводивший ее до иступления.

Она вполне могла бы вынести темноту, если бы никогда не видела света.

В тот же год у ее младшего брата, который был на пять лет младше, начался ринит. На ноги поднялась вся семья: ради него побросали работу, чтобы возить мальчика по всей округе в поисках народных знахарей, а бабушка постилась и молилась Будде о его здравии.

Младшему брату повезло, вскоре он полностью поправился.

Се Чжитан сидела на диване и горько усмехнулась сама себе.

Синь Сэлин вернулась домой с тортом и угостила им госпожу Линь.

— Это дала одна клиентка, — в подробностях рассказала Синь Сэлин обо всем произошедшем.

Линь Хуайлань удивилась:

— А почему ты сама не съела?

Синь Сэлин:

— Разумеется, потому что я буду есть то, что приготовила ты.

Услышав это, Линь Хуайлань расплылась в улыбке и не стала скромничать: в тот вечер она почти не притронулась к ужину, целиком умяв этот кусок торта.

— Мама, а чем ты занимаешься целыми днями? — между делом поинтересовалась Синь Сэлин.

Линь Хуайлань на секунду замерла с куском торта в руке:

— Ничем особенным, просто болтаю со стариками.

Синь Сэлин не заподозрила подвоха:

— Это здорово.

В этот момент за окном гроыхнуло, расколов небо, и раздался раскат грома.

— Кажется, собирается дождь, — Синь Сэлин посмотрела на улицу, отложила палочки и отправилась на балкон забирать белье.

Сложив вещи, она вернулась к обеденному столу, но госпожа Линь куда-то исчезла. Синь Сэлин растерянно позвала:

— Мама?

— Госпожа Линь? Ты где?

Выкрикивая это, она обошла весь дом, но никого не обнаружила. На столе так и осталась лежать половина торта.

Она бросила взгляд на входную дверь, и в голове мелькнула догадка: неужели госпожа Линь вышла?

Зачем ей понадобилось выходить?

Терзаемая смутными сомнениями, Синь Сэлин отворила обе двери и спустилась вниз по лестнице.

Приближаясь к первому этажу, она услышала голос хозяйки дома.

— Учитель Линь, сколько раз вам повторять, в подъезде нельзя ничего складывать! Стоит пойти дождю, как все отсыреет. Почему эти картонки опять валяются здесь? Ночью будет такая гроза, к утру они насквозь промокнут, и вокруг разведутся тараканы с муравьями, как людям здесь жить?

— Я знаю, я сейчас же все уберу, дайте мне немного времени, сегодня просто не успела сдать их в пункт приема, вот и оставила здесь на время.

Шаги Синь Сэлин оборвались на месте. Прямо под ее ногами находилась лестничная площадка первого этажа.

— Разве ваша дочь не вышла из тюрьмы? Почему вы все еще занимаетесь этим? Она что, не нашла работу?

— Нашла, нашла. Я просто помогаю ей облегчить ношу.

— Ладно уж, давайте, убирайте сегодня свои картонки отсюда, чтобы их тут не было.

— Хорошо.

Хозяйка дома развернулась и скрылась за дверью. Тусклый свет старой лестничной лампы упал на сутулую спину Линь Хуайлань.

Та с смущенным видом проводила хозяйку взглядом, а затем повернулась, собираясь заняться картонками, но нос к носу столкнулась со стоящей у лестницы дочерью.

— Доченька... — Линь Хуайлань потерла испачканные руки. — Мама просто...

Не успела она договорить, как увидела, что дочь молча подошла, присела перед ней на корточки и принялась аккуратно складывать разбросанный по земле картон, а затем туго перевязала стопку веревкой.

Синь Сэлин сделала еще шаг вглубь лестничного пролета. Некоторые коробки были совсем новыми и жесткими, другие — рваными и потрепанными, словно их вытащили из мусорного бака, от них разило кислым запахом объедков.

— И все это? — спокойно спросила она.

Линь Хуайлань стояла за спиной дочери, чувствуя себя неудобно. Услышав вопрос, она была вынуждена скрепя сердце кивнуть:

— Всё. Сегодня подобрала, а приемка металлолома закрылась раньше времени, не успела сдать.

— Понятно.

Синь Сэлин протянула руку в угол, вытащила оттуда оставшиеся куски картона и принялась складывать их заново.

Когда всё было прибрано, у них получилось целых три огромные вязки картона.

Каждая стопка достигала ей до бедра.

Завязав последнюю, Синь Сэлин подхватила одну из вязак снизу и взвалила себе на плечо:

— Отнести наверх?

— Да, — Линь Хуайлань увидела, что та взвалила тяжесть прямо на плечо, и машинально протянула руку помочь. — Ты поаккуратнее.

— Все в порядке, она не тяжелая.

Синь Сэлин зашагала по ступеням, но, видимо, о чем-то вспомнив, остановилась и чуть повернулась к Линь Хуайлань:

— Остальное я спущусь и заберу сама, ты больше ничего не тащи, а то сорвешь спину.

Услышав это, Линь Хуайлань тут же убрала руки от второй вязаки картона и послушно пообещала дочери:

— Хорошо, я не буду, ты только аккуратнее.

Убедившись, что та действительно послушалась, Синь Сэлин продолжила подъем. Их квартира находилась на третьем этаже, лестница была узкой, а картона так много, что стоило чуть потерять равновесие, как можно было задеть стену, оступиться и полететь вниз.

Однако Синь Сэлин шагала уверенно и ровно, без труда донеся вязаку с первого этажа на третий. Оставив ее у двери, она спустилась за следующей.

Когда все три огромные стопки оказались перед дверью, Линь Хуайлань помогла ей зайти в квартиру.

— Сюда, складывай сюда, — едва переступив порог, Линь Хуайлань указала дочери на крошечный проход рядом с гостиной, велев временно сложить все там.

В итоге Синь Сэлин занесла в дом все три вязаки, убере сырость.

Закрыв дверь, Линь Хуайлань вздохнула с облегчением и протянула дочери стакан воды:

— Дочка, попей воды.

Синь Сэлин сделала глоток, бросив взгляд на те самые три стопки картона. В углублении стены, где они стояли, виднелся отчетливый темный след — такой мог остаться только после долгих лет хранения здесь каких-то вещей. Когда она только вернулась и делала генеральную уборку, то обратила на него внимание, гадая, что же тут лежало.

Но ей и в голову не приходило, что это был картон.

— Мама, ты и дальше собираешься собирать коробки? — спокойно глядя на нее, спросила Синь

Сэлин.

На лице Линь Хуайлань вновь проступило смущение, она не смела смотреть дочери в глаза:

— Мама просто хотела помочь тебе облегчить ношу.

Синь Сэлин:

— Но ведь ты учительница.

Раньше та больше всего дорожила собственной гордостью. До развода госпожа Линь терпела даже побои, лишь бы сохранить достоинство и приличие перед учениками, не позволяя никому и слова сказать поперек.

А теперь хозяйка дома в открытую называла ее учительницей Линь, в то время как за каждым ее словом скрывалась насмешка над тем, что та скатилась до сборщицы макулатуры.

И ей оставалось лишь кивать в ответ и угодливо приговаривать: «Сейчас всё уберу».

Стоило Линь Хуайлань услышать эти слова, как поначалу она попыталась сделать вид, будто ей всё равно:

— Я... я ведь давно уже не учительница, твоя мама — просто сборщи...

Однако договорить последние слова она не смогла: к горлу подступил ком, и она зашлась в беззвучных рыданиях.

Выражение лица Синь Сэлин дрожало, в горле застрял ком, и она крепко прижала мать к груди, пытаясь утешить.

— Учитель Линь, для меня ты всегда останешься тем самым прекрасным и талантливым преподавателем. Никакая ты не сборщица мусора.

Линь Хуайлань плакала навзрыд, совсем как маленький ребенок.

<http://bllate.org/book/24939/2950544>